

Lm.8_666 P0Lm.8_6

Паутина под камнем

18+

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Паутина под камнем

<https://litres.ru/74371157>

SelfPub; 2026

Аннотация

Деревня, куда они пришли умирать, встретила их хлебом и тишиной. Под холмом, у старой шахты, ждали те, кто умеет ждать. Здесь не было чудовищ. Не было проклятий, которые можно увидеть. Только запах ладана, старые монеты, которых больше не принимают, и знак, выбитый в камне.

Пятеро наёмников верили, что выжили. Верили, что работа крестьянина — это временно. Верили, что кровь на алтаре — не их.

Ошиблись.

Тёмное фэнтези о жертвоприношении, где платят не только жизнью, но и тем, что было до неё. Где спасение пахнет гнилыми яблоками, а вера в людей стоит дороже серебра. И где даже смерть не ставит точку, потому что дух под холмом не прощает. Никого.

Содержание

Глава	4
### Дисклеймер	5
### Глава 01. Переплавлять и раздавать	10
### Глава 02. Смэртъ прораба	14
### Глава 03. Подлатание и оплата	17
### Глава 04. Подчищение в городе	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Паутина под камнем

Глава

Дисклеймер

Произведение содержит сцены насилия, смерти, жестокости, войн, эпидемий, пожаров, казней, ритуальных убийств, пыток, ранений, увечий, массовой гибели людей и животных, а также изображение психологических страданий, отчаяния, ужаса, морального разложения, рабства, принудительного труда, дискриминации, ксенофобии и иных тяжёлых и мрачных аспектов человеческого существования. Эти сцены включены не с целью пропаганды жестокости или насилия, а исключительно как средства художественной выразительности, для создания достоверной и мрачной картины вымышленного мира, раскрытия характеров персонажей и развития сюжета.

Автор не одобряет, не оправдывает и не пропагандирует насилие, убийства, жестокое обращение с людьми или животными, человеческие жертвоприношения, религиозный фанатизм, геноцид, военные преступления, преследования по признаку расы, национальности, вероисповедания, видовой принадлежности или магических способностей. Все негативные действия, описанные в тексте, совершаются вымышленными персонажами в рамках вымышленного мира и

не являются руководством к действию, призывом, инструкцией или оправданием подобных поступков в реальной жизни.

В произведении присутствуют сцены употребления алкоголя, грубая лексика, ненормативная лексика, сексуальные намёки, упоминания болезней, паразитов, антисанитарии, смертной казни, пыток, человеческих жертвоприношений, оккультных ритуалов, тёмных культов, магии, проклятий, духов, существ, не являющихся людьми, а также иные элементы тёмного фэнтези. Всё вышеперечисленное является частью жанра и не отражает личных взглядов, убеждений или моральных принципов автора.

Произведение не предназначено для лиц, не достигших восемнадцати лет, а также для лиц с повышенной чувствительностью к сценам насилия, смерти, жестокости, трагедий, безысходности, массовых смертей и мрачных финалов. Если вы испытываете дискомфорт при чтении подобного рода литературы, настоятельно рекомендуется воздержаться от ознакомления с данным текстом.

Автор не несёт ответственности за возможное эмоциональное воздействие, которое данный текст может оказать на читателя. Все эмоции, переживания, страхи, мысли и выводы, возникающие при прочтении, являются субъективной

реакцией читателя и не могут быть основанием для претензий к автору или издателю.

Все персонажи, независимо от их морального выбора, поступков, убеждений, магических способностей, физиологических особенностей или отсутствия таковых, являются исключительно художественными образами и не являются отражением каких-либо реальных лиц, групп, сообществ, народов, религий или государственных образований.

Любые совпадения имён, фамилий, титулов, названий, географических объектов, исторических событий, легенд, мифов, религиозных обрядов или культурных реалий являются случайными. Если в тексте упоминаются реально существующие исторические монеты, короли, ордена, титулы, сословия, профессии, обычаи или социальные институты, они используются исключительно как художественные образы и не претендуют на историческую точность или документальность.

Произведение является самостоятельным художественным текстом. Оно не является учебником, научной работой, историческим исследованием, медицинским справочником, юридическим документом, политическим манифестом или религиозным трактатом. Вся магия, ритуалы, культы, духи, существа, болезни, паразиты, яды, оружие, монеты, законы,

титуты, иерархии и географические названия в данном тексте являются вымышленными или условными и не должны восприниматься как реальные.

Сцены гибели персонажей, включая главных, второстепенных и эпизодических, являются частью художественного замысла и не являются призывом к насилию, пропагандой смерти или проявлением неуважения к человеческой жизни. Смерть в данном произведении — художественный приём, используемый для раскрытия тем судьбы, жертвы, возмездия, утраты, безысходности и последствий человеческих поступков.

Автор выражает уважение к читателю и его праву на личные границы. Если в процессе чтения вы почувствовали, что текст вызывает у вас сильный эмоциональный дискомфорт, тревогу, страх, отвращение или иные тяжёлые переживания, рекомендуется прекратить чтение и обратиться к более лёгкой литературе или, при необходимости, к специалисту.

Все авторские права на данный текст защищены. Произведение или его фрагменты не могут быть воспроизведены, распространены, переведены, адаптированы, использованы в коммерческих или некоммерческих целях без согласия автора.

Читатель, продолжая ознакомление с данным текстом, подтверждает, что он достиг совершеннолетия, осознаёт художественный характер произведения, принимает его жанровые особенности и добровольно соглашается с тем, что содержание может включать сцены, способные вызвать сильные эмоции.

Данное произведение — это вымысел. Тёмный. Мрачный. Без надежды. Но всё же вымысел.

+18

Глава 01.

Переплавлять и раздавать

Монеты привезли на монетный двор в сумерках — четыре кованых сундука под охраной королевских гвардейцев. Сундуки были старые, исцарапанные, с гербами, полустёртыми временем. Внутри звенело серебро старой чеканки: монеты ходили по рукам лет пятьдесят, многие были затёрты до гладких кружков, некоторые треснули, некоторые потемнели от пожара или крови. Им предстояло умереть и родиться заново.

Мастер-чеканщик, сутулый человек по имени Орнан, принял груз молча. Он знал эту работу слишком хорошо, чтобы нуждаться в словах. Перечеканка — не просто ремесло. Это стирание памяти металла.

Сначала монеты пересчитывали. Считали долго, при свечах, трое писцов одновременно, сверяя числа. Потом ссыпали в огромный чан с уксусом и песком — отмывать грязь, жир, чужое прикосновение. Серебро тускло мерцало под поверхностью, и казалось, что в чане шевелится живая рыба. Орнан стоял над чаном, смотрел, как монеты трутся друг о

друга, и думал о том, что у каждой был путь. Каждая касалась ладони крестьянина, пальцев вора, пояса шлюхи, языка мертвеца — монету клали под язык, чтобы заплатить перевозчику. Теперь всё это будет уничтожено.

Когда монеты высохли, начался отбор. Старые, стёртые до гладкости, откладывали в отдельную корзину. Их было большинство. На их месте когда-то был профиль короля — теперь остался гладкий блин. На других ещё угадывались черты: скула, локон, край короны. Орнан брал такую монету, подносил к свету и видел призрак лица, размытый временем, — лицо, которое больше ничего не значило.

— Стирается, — сказал он вслух. Подмастерье не понял, о чём он.

Плавильная печь уже дышала жаром. Тигли раскалились добела. Монеты старой чеканки бросали в огонь, и серебро текло, теряло форму, забывало само себя. Орнан смотрел, как исчезают профили. Ему всегда казалось, что в этот миг металл кричит — беззвучно, но весомо. А может, это кричали не монеты.

Потом серебро разливали в формы — гладкие заготовки, кружки без лица. Их остужали, взвешивали, шлифовали. И вот тогда в дело вступал гуртильный станок.

Орнан подошёл к станку — тяжёлому механизму из дуба и стали, собранному лет двадцать назад по чертежам, присланным из столицы. Станок наносил на ребро монеты насечку — зубцы, мелкую косую черту, которая делала край не гладким, а шершавым, рифлёным. Практика была уже привычной, вошедшей в обиход, никто не спрашивал зачем. Зубцы были частью монеты, как обод — частью колеса. Без них серебро считалось неполным, незаконченным. Орнан вставил заготовку в паз, нажал рычаг, и колёсико с резьбой прокатилось по ребру, оставляя ровный рубчик. Ещё одна. Ещё. Движение повторялось сотни раз, пока рука не деревенела.

Насекая зубцы, Орнан думал: *вот так и с людьми. Каждому набивают на ребро метку, чтобы не спутать с пустым местом. А когда метка стирается — человека несут в плазильню.*

Он отогнал мысль. Мысли мешали работать.

После гуртильного станка наступал черёд чекана. Новый штампель — профиль нынешнего короля, молодого, с острым носом и тяжёлым подбородком. Тяжёлый молот падал на штампель, вдавливая серебро в матрицу. Раз — и монета обретала лицо. Лицо это было чужим. Старый король исчез без следа, словно его и не было.

Готовые монеты падали в корзину с мягким звоном. Новорождённые. Холодные. Блестящие. С одинаковыми лицами и одинаковыми зубцами по краям.

Орнан вытер руки о фартук, отошёл к окну. За окном темнело. В переулке под стеной монетного двора кто-то кашлянул — долгим, мокрым, нездоровым кашлем. Орнан вгляделся, но увидел только тень, слишком крупную для человека, слишком сгорбленную для зверя. Тень откашлялась и исчезла в проулке, волоча что-то — не то ногу, не то мешок, не то хвост.

Мастер перекрестился и вернулся к работе. На следующий день монеты нового образца ушли в казну, а оттуда — в мир, к людям.

Но остался вопрос: что это был за силуэт такой?

Глава 02. Смэрть прораба

Я стоял в проулке. Тень ждала меня у стены, там, где свет из окна упирался в камни и умирал. В этом месте всегда пахло сыростью, мочой и старой известью. Сейчас пахло только холодом.

Я пришел сам. Никто меня не звал. Просто ноги принесли. Так приходят к двери, за которой знаешь ответ, но боишься постучать.

Тень стояла неподвижно. Не как человек, который ждет, а как место, которое заняли. В ней не было ни роста, ни лица, ни рук. Только форма. И внутри этой формы что-то текло, как серебро в тигле, когда оно уже не твердое, но еще не жидкое.

— Я знал, что ты придешь, — сказал я.

Голос прозвучал тихо, но ровно. Я сам удивился, что не заикаюсь. Внутри все дрожало, но снаружи — нет.

Тень не ответила. Только качнулась. Не вправо, не влево. Внутри себя. Как будто вдохнула.

— Я не знаю, кто ты, — сказал я. — И знать не хочу. Но если ты из-за монет — я делал свою работу. Только работу. Я перечеканивал. Стирал старое. Чеканил новое. Мне сказали — я сделал.

Каждое слово падало в тишину, как монета в колодец. Без

эха. Без ответа.

— Я не виноват, — сказал я.

Она сделала шаг. Один. Я не услышал его. Почувствовал. Как чувствуют приближение грозы, когда еще нет ни грома, ни ветра, но воздух уже густеет. У меня пересохло в горле. Язык прилип к небу. Я хотел отступить, но ноги не слушались. Хотел закричать — но воздух застрял в горле, как проглоченная монета.

Она оказалась рядом. Слишком близко. Я почувствовал ее запах: не зверь, не человек. Сухой, как пыль на старых монетах. Как металл, который долго терли пальцами. Как серебро, нагретое дыханием.

Из-под капюшона блеснуло что-то узкое, темное. Не то нож. Не то коготь. Не то сама тень, ставшая плотью.

Удар был один. Быстрый. Я не успел ничего понять.

Сначала — холод. Он вошел под левое ребро и растекся внутри, как ледяная вода по сухому руслу. Я опустился на колени. Потом упал лицом в пыль.

Мостовая была грязная, мокрая. Отражение окна дрожало в луже. Я видел это очень близко. Видел, как пыль пьет мою кровь. Как она темнеет, расплзается, смешивается с землей. Я думал: *вот и все. Вот и вся плата за старое серебро.*

Тень стояла надо мной. Я слышал ее дыхание. Медленное. Ровное. Как стук молота по штемпелю. Раз — удар. Два — удар. Три — удар.

Потом она наклонилась. Я почувствовал, как холодные

пальцы коснулись моей щеки. Они были сухие, как пергамент. Как старые банкноты, которые уже не в ходу. Они повернули мою голову, и я увидел тьму внутри капюшона. Не лицо. Не глаза. Только тьму. И в ней — два огонька, далеких, как монеты, падающие в колодец.

Пальцы разжались. Голова упала обратно в пыль. Я слышал, как она уходит. Шаги медленные, ровные. Ни спешки. Ни злости. Только расчет.

Потом наступила тишина.

Я лежал. Смотрел на камень. На пыль. На свою кровь. Она уже не была горячей. Просто темная жидкость, которая уходит из меня, как вода из разбитого кувшина. Я не жалел. Не боялся. Я думал о монетах. О том, как стирал старые лица. Как вдавливал новые. Как все это было напрасно.

Потому что старое серебро не умирает. Оно возвращается. И забирает тех, кто его стирал.

В кулаке у меня была монета. Новая, с профилем молодого короля. Я не помнил, как взял ее. Она была теплой. Потом стала холодной.

Я закрыл глаза.

Где-то далеко, за стенами, за воротами, за тишиной, начинался новый день. Но не для меня.

Руководство города вырезали одновременно...

Глава 03. Подлатанние и оплата

Хвост в таких местах всегда мешает. Он живет своей жизнью: то метет пыль с каменных плит, то задевает чью-то ногу, и ты ловишь на себе взгляд — быстрый, колючий, с примесью страха и брезгливости. Люди шарахаются. Я привык. Мы ввалились в предбанник целительского дома всей гурьбой — мокрые, грязные, пропахшие болотной тиной и кровью твари, которую завалили утром.

Заказ был обычный, деревенский. Староста с отшиба нанял нас через гильдию: тварь повадилась таскать овец и загрызла пастуха-подростка. Следы вели в заболоченную низину за Старой запрудой. Там, в камышах, оно и засело — не то ящер, не то многоножка, метров пять в длину, с костяными наростами вдоль хребта. Днем отлеживалась в норе под корнями старой ивы, ночью выходила охотиться. Выкуривали дымом. Кай поджег пучок сырой полыни, дым повалил в нору, тварь полезла наружу, разъяренная, щелкая жвалами.

Меня задела, когда я ушел в частичную трансформацию — когти, клыки, шерсть на загривке дыбом. Слишком близко подобрался, рвал ей брюхо, а она дернулась всем телом и полоснула когтями вдоль ребер. Куртка — в лохмотья, руба-

ха набухла темным. Боль терпимая, регенерация уже зудит, затягивая края, но грязь из когтей твари — дрянь. Лучше промыть у целителя, чем потом валяться с лихорадкой.

Грете досталось серьезнее: тварь распорол плечо до кости, но она бодрится и матерится сквозь зубы. Арно, мечник, получил порез на бедре, глубокий, хромает, опирается на меч как на трость. Кай цел — стоял за нашими спинами, отвлекал тварь мороками. Вереск, следопыт, легкий как ветер, в бою почти не участвует, только наводит да подсвечивает слабые места. Итого раненых трое: я, Грета, Арно. Здоровых двое: Кай и Вереск.

Целительский дом — каменное здание у рыночной площади, вывеска — ступка и змея. Внутри пахнет травами, горелым воском и немножко страданием. Предбанник маленький, вдоль стен полки с пузырьками, лавки для ожидающих. Перед нами сидят пара мужиков с ожогами и женщина с загноившимся пальцем. Косятся, но молчат. Арно молчит мрачно, Грета шипит и переминается с ноги на ногу. Дошла очередь.

Целитель — сухонький старик в очках на цепочке, пальцы в чернильных пятнах, взгляд цепкий, неприязненный. Я такие взгляды коллекционирую. Осмотрел раны, покачал головой, поцокал языком и выкатил цену: двенадцать полно-

весных серебряных монет нового чекана за троих.

Арно отстегнул с пояса замшевый кошель и высыпал на стойку монеты. Старые. Чеканки до Восстания, профиль Императора Ульриха, мягкий стертый рельеф, патина времени. Полновесное серебро, даже чуть тяжелее новых.

Старик посмотрел на монеты так, будто мы ему на прилавок дохлую крысу выложили.

— Нет, — поджал губы. — Это не принимаю.

— Почему? — голос Арно глухой, как камень в колодец.

— Указ наместника. С первого числа в обороте только новый чекан. Эти ваши «имперки» — просто куски металла. Мне в казну такими налог платить — штраф. Либо гоните новые кроны, либо ступайте с миром. Следующий!

У Греты желваки заходили ходуном. Вдохнула, чтобы высказать целителю все, что думает о его указах, но Арно положил руку ей на здоровое плечо. Тяжелую, спокойную.

— Ждите здесь, — сказал он, повернулся к Каю и Вереску. — Вы двое — со мной. Идем сдавать заказ и менять деньги.

Вот тут начинается самое хреновое — ожидание. Грета и Арно отошли к стене, сели прямо на пол, не спрашивая разрешения. Арно прикрыл глаза. Кровь медленно, но верно капала с его бедра на каменные плиты. Грета прижимала к ране какую-то тряпку, уже промокшую насквозь, и негромко, монотонно материлась. Целитель поджал губы, но промолчал. Очередь рассосалась, в предбаннике остались только мы — я, двое раненых у стены и старик за стойкой. Тишина, только тяжелое дыхание.

Я стоял у окна, смотрел на улицу. Хвост нервно постукивал по каменному полу, выдавая раздражение. Хорошо им, людям: злишься — лицо перекосилось, и все. А у меня каждая эмоция на кончике хвоста.

Кай и Вереск вышли на улицу. Им идти минут десять быстрым шагом до гильдии наемников. Там Кай сдаст отчет: клыки твари как доказательство, описание, подписи. Клерк сверит все с заявкой старосты, поставит печать о закрытии контракта, выдаст остаток платы. Новыми кронами — звонкими, блестящими, с портретом нынешнего лорда-протектора. Староста платил умеренно, полученного на лечение троих не хватит, поэтому Вереск понесет в меняльную контору старые имперки из отрядного кошель. Курс грабительский: девять старых за десять новых. Потеря, но выбора нет.

А мы ждем. Арно все бледнее, на лбу испарина. Грета зажимает рану, но кровь сочится между пальцев, собирается в темную лужицу на полу. Целитель не смотрит в нашу сторону, делает вид, что перебирает бумаги.

Я считаю трещины в потолочной балке, чтобы не сорваться. Хвост все стучит. Раз. Два. Три.

Дверь наконец открывается. Кай и Вереск входят быстро, от них пахнет улицей, сургучом и металлом. Вереск молча подходит к стойке и высыпает перед целителем столбик новых монет — двенадцать полновесных серебряных крон. Звон чистый, почти музыкальный. Старик поджимает губы, сгребает деньги в ящик и наконец кивает:

— Заводите раненых. Первой — девушку.

Грета поднимается сама, вскинув подбородок, независимо, словно не она только что выла шепотом от боли. Идет в процедурную, оставляя за собой темные капли. Арно сидит, привалившись к стене, и смотрит на меня с молчаливой благодарностью. А я просто стою и смотрю, как мой хвост, живущий своей жизнью, снова метет пыль с каменных плит. Работа сделана. Деньги заплачены. Осталось зализать раны. И просто вытерпеть эту адскую жару. Показалось, или кто — то из очереди упал в обморок от неё... или это лихорадка?

Глава 04. Подчищение в городе

Целитель работал споро, без лишних разговоров. Грету зашивали первой: рана на плече оказалась глубже, чем выглядела, пришлось накладывать два слоя швов и заливать каким-то жгучим настоем. Она вышла из процедурной бледная, но с прямой спиной, левая рука на перевязи. Потом завели Арно. С него срезали штанину, промыли рану, стянули края шелковой нитью. Старик что-то бормотал себе под нос, капал на шов мутную жидкость из темного пузырька. Пахло горько, терпко, как раздавленная полынь. Арно не проронил ни звука, только побелели костяшки пальцев, сжимавших край стола.

Со мной было проще. Регенерация уже стянула края, но целитель все равно прошелся по ранам горячим раствором, смыл болотную грязь, наложил тонкую мазь и обмотал торс чистой холстиной. Мазь пахла травами и воском, щипала так, что я на мгновение прикрыл глаза. Хвост дернулся, задел ножку стола — старик покосился, но смолчал.

Когда мы вышли на улицу, солнце уже клонилось к закату, и город гудел по-особенному — тревожно, возбужденно. Люди стекались по улицам в одну сторону, к центральной

площади. Торговцы спешно запирали лавки, мальчишки бежали впереди родителей, женщины накидывали платки на головы. Пахло пылью, потом и дешевым вином. Толпа была плотная, но не хаотичная — все двигались целенаправленно, как единый организм.

Арно, прихрамывая, шел рядом, опираясь на трость, которую прихватил у целителя за дополнительную монету. Грета, несмотря на свежие швы, умудрялась держаться прямо, даже с вызовом. Вереск втянул носом воздух и поморщился.

— Казнь, — коротко сказал он, кивнув в сторону площади.

Все утро город жил этим, а мы, занятые ранами и деньгами, не обратили внимания. Указ наместника, тот самый, что обнулил старые имперки, — не только о деньгах. Меняли порядок целиком. И тех, кто отказывался жить по-новому, наместник карал показательно. Сегодня вешали кого-то из старых чиновников Империи. Взяточника, говорили. Или заговорщика. Слухи ползли разные, но сходились в одном: смотреть обязательно, наместник приказал согнать народ, чтобы все видели, чем кончается верность прошлому.

Мы переглянулись. Особая усталость, когда тело ноет после боя, а впереди — зрелище чужой смерти. Но любопыт-

ство пересилило. Или привычка не отрываться от города, в котором мы временно оказались. Пошли.

Площадь уже забита. Стража с алебардами выстроилась кольцом вокруг эшафота, сколоченного наспех из свежих досок. Пахло смолой и сырым деревом. Вербка с петлей покачивалась на перекладине, и ветер слегка поворачивал ее, как маятник. Толпа напирала, но не ревела — в основном переговаривалась вполголоса, точно боялись спугнуть тишину. Только торговцы сновали с лотками: жареные каштаны, пирожки с требухой, глиняные кружки с разбавленным вином. Казнь — это всегда торговля, люди хотят есть даже тогда, когда смотрят, как умирает другой.

Мы встали у западного края, за спинами высокого кузнеца и двух его подмастерьев. Арно тяжело опирался на трость, но смотрел внимательно, без эмоций. Грета стояла молча, только пальцы здоровой руки подрагивали у перевязи. Кай, наш маг, стоял чуть поодаль, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Вереск то и дело привставал на цыпочки, пытаясь разглядеть происходящее поверх голов.

Приговоренного вывели под вечер, когда свет стал косым и красным. Сухонький мужчина лет пятидесяти, в разодранной рубаше, босой. Он шел сам, хотя ноги заплетались. Два стражника держали его под локти. Голова опущена, седые

волосы слиплись от грязи. Он что-то шептал — не то молитву, не то ругательство, — но толпа не слышала. Или не хотела слышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.